

Попова Н. В.

**ДЕМОНСТРАЦИЯ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ СТОРОН КРАСОТЫ И БЕЗОБРАЗИЯ СУБЪЕКТА
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/49.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 116-121. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ДЕМОНСТРАЦИЯ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ СТОРОН ПРОЯВЛЕНИЯ КРАСОТЫ И БЕЗОБРАЗИЯ СУБЪЕКТА
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Попова Н. В.

ФГОУ ВПО «Мичуринский государственный аграрный университет»

С целью выяснения внешних и внутренних сторон проявления красоты и безобразия субъекта в немецком языке необходимо сопоставить лексико-семантические поля, представленные базовыми лексемами «die Schönheit» и «die Hässlichkeit».

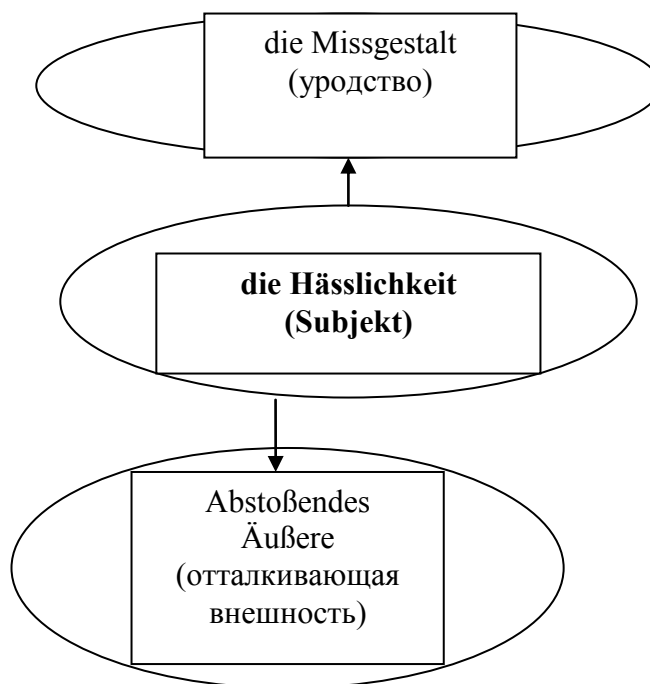
Лексема «die Hässlichkeit», согласно данным словарей, имеет следующие значения:

1. «die Missgestalt» - «уродство, безобразное существо»;
2. «abstoßendes Äußere» - «отталкивающая, отвратительная внешность» (Схема 1).

При сопоставлении лексико-семантических полей лексем «die Schönheit» и «die Hässlichkeit» в немецком языке наблюдаются сходные и отличительные моменты лексической реализации микрополей.

Сопоставительный анализ схем, представляющих лексико-семантические поля базовых лексем «die Schönheit» и «die Hässlichkeit», показывает, что существует сходство в противоположных значениях, реализуемое микрополями: «die Schönheit des Gesichts» («красота лица»), «verblühte Schönheit» («увядающая красота») - «die Missgestalt» («уродство, безобразная внешность»); «ungewöhnliche Schönheit» («необычная красота») - «abstoßendes Äußere» («отталкивающая, внешность») (Схема 3).

Схема 1. Лексико-семантическое поле безобразия («die Hässlichkeit») субъекта в немецком языке

Отличительным моментом при сопоставлении лексико-семантических полей «die Schönheit» и «die Hässlichkeit» в немецком языке можно считать отсутствие у базовой лексемы «die Hässlichkeit» таких микрополей, как «die klassische Schönheit des Stils», «die Schönheit des Gesangs», «die strahlende, makellose, jugendliche Schönheit».

Таким образом, лексема «die Hässlichkeit» обладает меньшим количеством значений микрополей, чем лексема «die Schönheit» и обозначает только субъективную внешнюю некрасоту, в отличие от лексемы «die Schönheit», подчеркивающей и внутреннюю красоту человека.

В чем же проявляется единство в противоречиях значений микрополей «ungewöhnlich — abstoßend» и «verblühte — Missgestalt» базовых лексем «die Schönheit» и «die Hässlichkeit»? Для этого следует более подробно рассмотреть этимологию данных пар слов с момента возникновения и проследить процесс развития до настоящего времени с целью выяснения общих семантических связей.

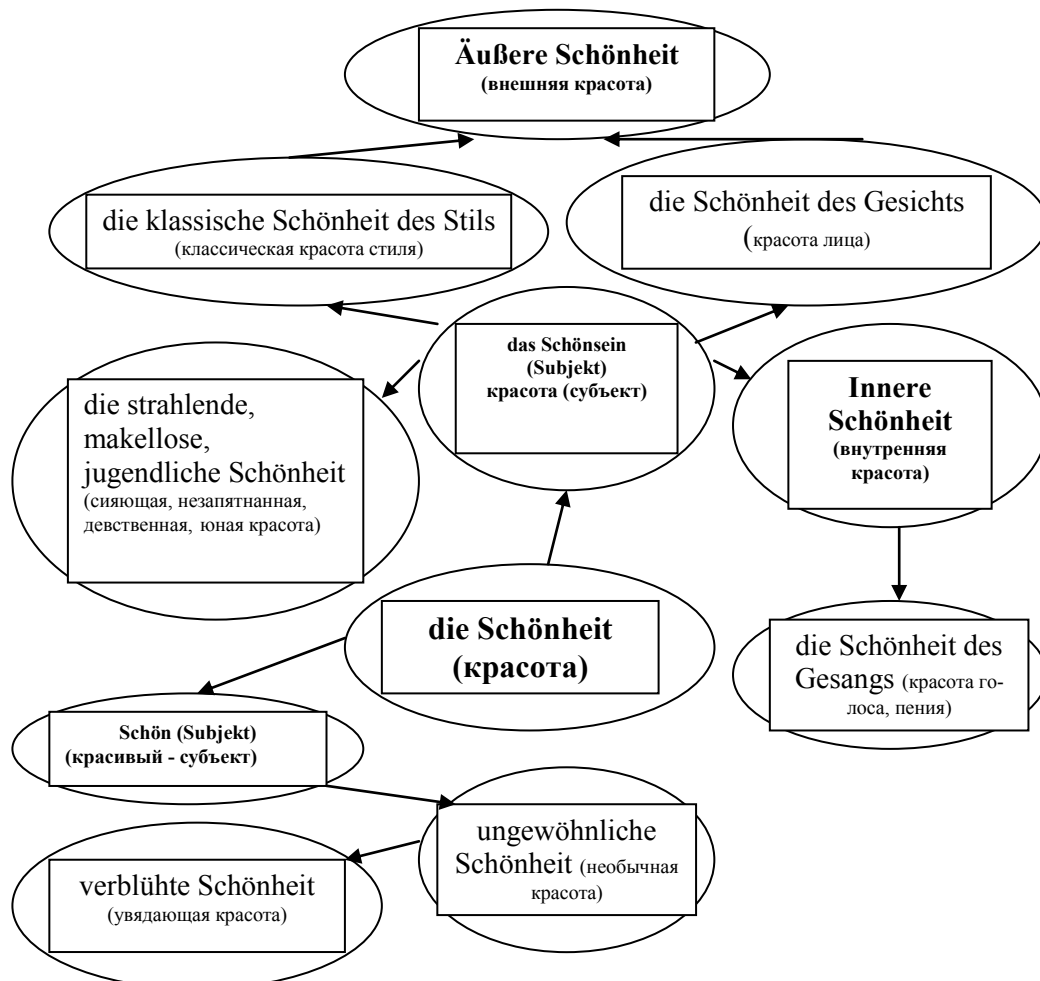
Лексема «ungewöhnlich» имеет отрицательный префикс «un-». Рассмотрим исторические корни данного префикса. Префикс «un-» является общегерманским (сравните: средневерхненемецкий, древневерхненемецкий - «un-», готский - «un-», английский - «un-», шведский - «o-») и восходит со своими эквивалентами к другим индогерманским языкам, а конкретнее, к индогерманским словам - отрицаниям (n - zurück). Родственными являются, например, греческий - «a[n]» и латинский «in», которые употребляются в качестве

первой составной части в многочисленных заимствованных из греческого и латинского языков словах («а-», «А-») и («in-», «In-»). Индоевропейское отрицательное слово «n-» находится в абляute, т.е. с чередованием гласных, по отношению к индоевропейскому отрицательному предложению с «nē», «nei», которое сохраняется в настоящее время в активных, общеупотребительных словах с «nein», «nicht», «nie», «nig».

Префикс «un-», связанный с причастиями и прилагательными, отрицает понятие и превращает его в понятие с противоположным значением (сравните: «ungesäuert» - «незаквашенный, пресный», «unrein» - «нечистый, загрязненный, грязный», «unmenschlich» - «нечеловеческий, бесчеловечный, жестокий»). Однако префикс «un-» может употребляться со значением «отклонение от идеального представления о чем-либо» (сравните: «unangebracht» - «неуместный, лишний»). Следует отметить, что в сложных словах, в которых основное слово содержит негативное понятие, может употребляться префикс «un-» со значением увеличения (сравните: «Unkosten» - «громкая сумма», «Unsumme» - «непредвиденные дополнительные издержки», «Unmenge» - «громдное количество, бездна, тьма»).

Лексема «gewöhnlich» (сравните: средневерхненемецкий - «gewöhnlich» - «привычный, обычный, традиционный, обыкновенный, общепринятый, общеупотребительный») также как «Gewohnheit» является производным словом от древнего прилагательного (сравните: средневерхненемецкий - «gewon», древневерхненемецкий - «giwon» в значении «обыкновенный, традиционный»). Прилагательное «gewöhnlich» употребляется также в смысле «низкий, низменный, подлый, пошлый, вульгарный» потому что, то, что является общеупотребительным и привычным, обладает меньшей ценностью.

Схема 2. Лексико-семантическое поле красоты («die Schönheit») субъекта в немецком языке

Из схемы понятно, что прилагательное «gewöhnlich» употребляется в современном немецком языке в двух значениях, одно из которых крайне негативное, а другое максимально к нему приближено, так как находится на границе положительных и отрицательных оттенков значения, т.е. человек обыкновенный не проявляет себя как индивидуальная личность, а формирование личности всегда подчеркивает движение, стремление к положительному.

Таким образом, если полагать, что нейтральное значение ближе к отрицательному, чем к положительному, то следует сделать вывод о том, что двойное отрицание в слове «ungewöhnlich» дает в итоге положительное значение, а именно: «необыкновенный», «необычайный», «необычный», «исключительный». Отсю-

да становится понятно, почему данные значения имеют только лишь позитивное в своих семах, в которых заключаются движение, активность, деятельность, борьба.

Согласно данным историко - этимологического словаря Дудена, адъективное причастие I «abstoßend» употребляется в значении «вызывающий отвращение» и возникло в конце XVIII столетия от глагола «abstoßen» (сравните: средневерхненемецкий - «abestōzen», древневерхненемецкий - «abastōzan» со значением «толкать в сторону, удалить, устранять»).

Итак, префикс «un-», согласно данным этимологического словаря Дудена, в сочетании с прилагательным «gewöhnlich» отрицает понятие в целом (Схемы 4 и 5).

Итак, в значениях адъективного причастия «abstoßend» подчеркивается движение по направлению от субъекта, а именно, обладает значением «отталкивающий, отвратительный». И этимологически еще раз доказывается современное употребление данной лексемы только с отрицательным оттенком значения, когда подчеркивается либо некрасивая уродливая внешность человека (das abstoßende Gesicht - отвратительное лицо), внутренняя некрасота человека (der abstoßende Blick - отталкивающий взгляд), либо некрасивый поступок человека (das abstoßende Benehmen - отвратительный поступок).

Таким образом, этимологический анализ лексем «ungewöhnlich -abstoßend» показал нам, что в семах данных слов общим является движение. Однако это движение имеет противоположную направленность, а именно, лексема «ungewöhnlich» подчеркивает движение по направлению к субъекту - притягивание (→S), «необычайное, необычное, исключительное» всегда притягивает к себе внимание. Лексема «abstoßend», напротив, демонстрирует движение по направлению от субъекта - отталкивание (←S), так как внешняя и (или) внутренняя некрасота всегда действует непритягательно, отвратительно.

Сходный момент при сопоставлении лексем «ungewöhnlich» и «abstoßend» в единстве движения, которое имеет противоположные стороны и находится в борьбе.

Схема 3. Единство в противоречиях значений микрополей лексем «die Schönheit» и «die Hässlichkeit»

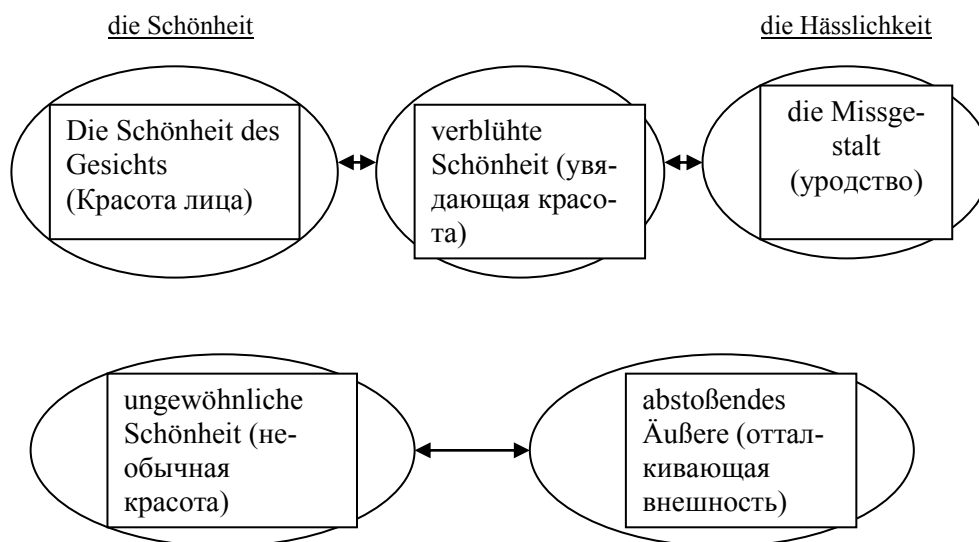

Схема 4. Значение лексемы «gewöhnlich»

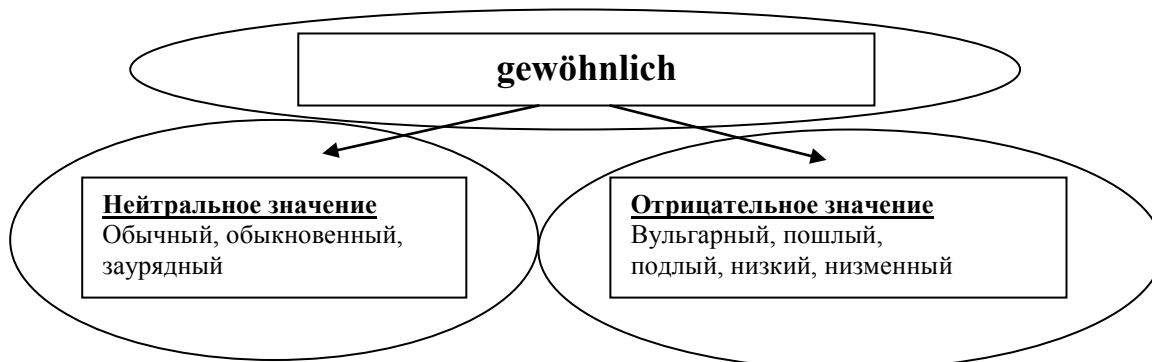
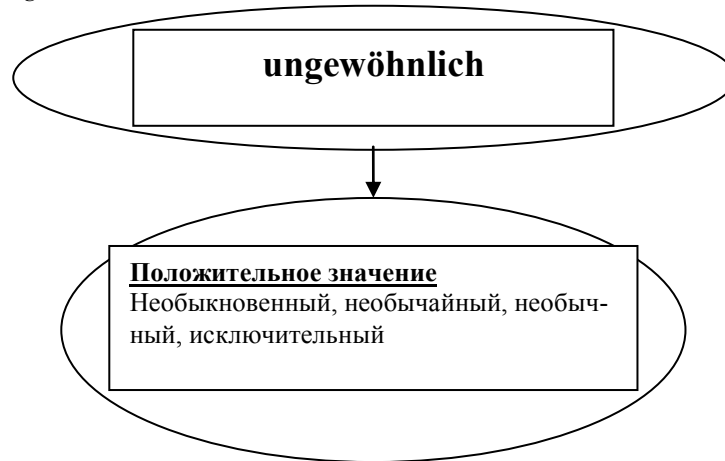

Схема 5. Значение лексики «*ungewöhnlich*»

Более подробно рассмотрим этимологию слов «*verblühte*» и «*Missgestalt*», используя словарь Дудена, с целью определения общих моментов в семантике.

Вначале следует обратиться к истории возникновения префикса «*veg-*». Префикс «*veg-*» (сравните: средневерхненемецкий - «*veg-*», древневерхненемецкий - «*fīg-*», «*fāg-*», среднеиндийский - «*vōg-*», «*vog-*») присоединял к себе множество других префиксов, которые в готском употреблялись отдельно «*faiḡ-*» - «*heraus-*», «*faiḡ-*» - «*vog-*», «*vorbei-*», «*fra-*» - «*weg-*» (сравните: германские эквиваленты латинскому «*per-*», «*pro-*», «*pro-*», греческому «*peri-*», «*par-*», «*pro-*» и древнеиндийскому «*pari-*», «*pr-*», «*pra-*»). Современное употребление вербального префикса «*veg-*» очень многообразно и едва ли связано со значениями трех готских префиксов. Скорее всего префикс «*veg-*» соответствует готскому «*fra-*» - «*weg-*» в глаголах со значением «переработка», «использование», «порча, гибель» и «исчезание». Этим значениям близки понятия «закрепление» («*verkleben*» - «заклеивать», «*verbauen*» - «загораживать»), «провожение времени» («*verschlafen*» - «проспать слишком долго» и «*Irregehens oder -führens*» - «вводить в заблуждение, сбивать с толку, заблудиться»).

Итак, вербальный префикс «*veg-*» многозначный. В его семах подчеркивается либо мыслительный процесс («скрыть что-либо», «ввести в заблуждение»), либо процесс как действие человека («переработка», «использование», «порча, гибель», «провожение времени», «загораживание, заклеивание»).

Семантический анализ префикса «*veg-*» показал присутствие в семах как положительных оттенков значения («переработка», «использование»), нейтральных («загораживание, заклеивание»), так и отрицательных («порча, гибель», «скрытие чего-либо с целью исчезновения», «провожение времени»).

Следует подчеркнуть, что «*veg-*» придает слову в большинстве случаев значение законченного процесса.

Современная лексема «*Blüte*» возникла в XVII веке из формы множественного числа (сравните в немецком «*blüete*») от средневерхненемецкого и древневерхненемецкого «*bluot*» - «*Blühen*», «*Blüte*», которые принадлежат к группе слов, представленных глаголом «*blühen*»). Лексема «*Blüte*» обозначала первоначально «состояние цветения», потом - «цветущие части растений», особенно деревьев и кустарников. В переносном смысле данная лексема употребляется относительно «*Glanzzeiten*» - «период расцвета культурной и научной жизни» (сравните: сложное слово «*Blütezeit*» - «время цветения, эпоха расцвета»; «юность, молодость»).

Схематично это можно представить так (Схемы 6 и 7).

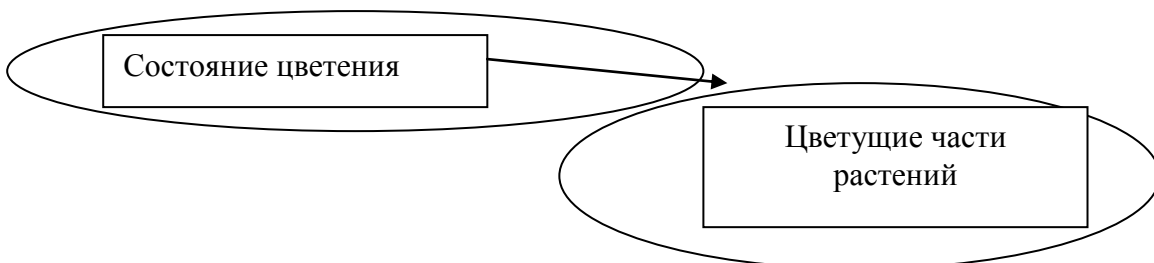
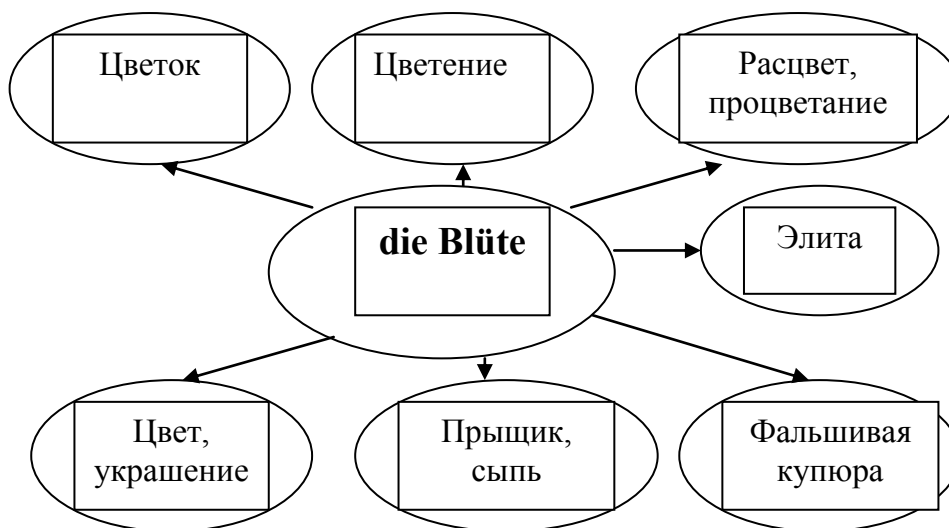
Схема 6. Первоначальные значения лексики «*Blüte*»

Схема 7. Современное употребление лексемы «Blüte»

Итак, в семантике лексемы «Blüte», употребляемой в современном немецком языке, присутствуют большей частью положительные значения: «цветок», «цветение», «цвет, украшение», «элита», «расцвет, процветание». Хотя данная лексема обладает и отрицательными значениями: «прыщик, сыпь», «фальшивая купюра».

Таким образом, префикс «ver-» - «порча, исчезание», в сочетании с лексемой «Blüte» - «цветение» обозначают «увядание, отцветение», а в целом, словосочетание «verblühte Schönheit» понимается как процесс старения и исчезания с возрастом молодости лица и тела.

Проанализируем с этимологической точки зрения префикс «miss-». Общегерманский префикс (сравните: средневерхне-немецкий - «mis-», «misse-», древневерхне-немецкий - «missa-», готский - «missa-», английский - «mis-», шведский - «mis-») развивался из древних причастных образований и увеличился до индогерманского корня «meit[h]» в значении «менять, обменивать». Данное причастное образование, которое вошло в немецкий язык в качестве самостоятельного слова, имело первоначальное значение «смешанный, спутанный; обменный» (сравните: готский - «missō» - наречие - «wechselseitig» - «взаимный», древнеиндийский - «mithah» - наречие - «abwechselnd» - «переменный, попеременно»). От этого значения появилось новое применение слова в качестве префикса, а именно, для выражения следующих значений: «Verkehrten» - «перевернутый, неправильный, бессмысленный», «Verfehlten» - «неудачный, неправильный, гиблый», «Verschiedenartigen» - «разнообразный, разнovidный». Полная форма префикса еще сохранилась в слове «Missetat» - «вредное дело, преступление». В настоящее время префикс «miss-» придает слову отрицательное значение.

Итак, этимология показала, что в семантике префикса «miss-» преобладают отрицательные значения («неудачный, неправильный, гиблый, бессмысленный, перевернутый»). Однако данный префикс может употребляться, обозначая положительные оттенки значений («разнообразный, разнovidный»).

Древнее причастие второе, заменяемое в нововверхне-немецком «gestellt» (сравните: средневерхне-немецкий - «gestalt», древневерхне-немецкий - «gistalt») перешел в адъективное употребление и образовал в средневерхне-немецком основу для субстантивации: «gestalt» - «вид, наружность; свойство, качество, способ; лицо, особа, человек».

Следует отметить, что лексема «Gestalt» обладает нейтральными оттенками значений, не подчеркивая ни положительных, ни отрицательных сторон («фигура, телосложение, рост, внешность», «форма, вид, образ», «личность, образ, персонаж»).

Таким образом, префикс «miss-» придает слову «Missgestalt» отрицательное значение в виде сем «уродство, уродливость», «уродливое существо».

Сопоставляя семантику микрополей лексем «verblühte» и «Missgestalt», мы убедились в том, что в обоих случаях демонстрируются отрицательные стороны, проявляющиеся во внешности человека, а конкретно, «verblühte Schönheit» как «увядающая красота» и «Missgestalt» как «уродство». В этом проявляется сходство между данными лексемами. Семантику словосочетания «verblühte Schönheit» можно рассматривать как процесс приобретения с годами черт, подчеркивающих возраст. Однако, несмотря на то, что лицо и тело стареют, увядают, красивые черты лица и телосложение остаются. Красота, даже увядающая, остается красотой, т.е. здесь можно проследить и положительные моменты в значении данного сочетания слов.

Лексема «die Missgestalt» может подчеркивать процесс как врожденного, так и приобретенного уродства, которое демонстрирует только отрицательные стороны проявления некрасивой внешности человека

Таким образом, единство в микрополях «verblühte Schönheit» и «Missgestalt» просматривается в сходстве оттенков отрицательного значения. Однако данные поля представлены противоположными полюсами, а именно: «Schönheit» - «красота», пусть даже увядающая и «Missgestalt» - «уродство», которые находятся в

вечной борьбе и показывают противоположные стороны проявления внешней и внутренней красоты и безобразия.

Список использованной литературы

1. **Русско-немецкий словарь:** Ок. 53 000 слов / Под ред. Е. И. Лепинг, Н. П. Страховой, К. Лейна и Р. Эккерта. - М.: Рус. яз., 1983. - 9-е изд., стереотип. - 848 с.
2. **Duden C.** Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. - Mannheim / Leipzig / Wien / Zürich: Dudenverlag, 1989. - Duden Band 7. - 844 S.

ЖЕНСКИЕ АРХЕТИПЫ В ЛИТЕРАТУРЕ ЧИКАНАС: ПЛАКАЛЬЩИЦА ЛА ЙОРОНА

Принеслик Е. А.

*Забайкальский институт предпринимательства
Сибирского университета потребительской кооперации, г. Чита*

На протяжении долгого времени американскую цивилизацию сравнивали с «плавильным котлом», однако, бурные 1960-е годы, ознаменовавшиеся движением этнических меньшинств США за свои права, сделали болезненно очевидным тот факт, что в этом «котле» наций осталось значительное количество не растворившихся компонентов. На смену модели «плавильного тигля» пришла концепция мультикультурализма. Литературный процесс, являющийся чутким барометром социально-политических изменений в жизни общества, отреагировал на смену культурной парадигмы, выходя из тени писателей, чье творчество до этого оставалось вне поля зрения американского канона и критики «основного потока». Сейчас можно с полным правом утверждать, что в последние десятилетия и в зарубежном, и отечественном литературоведении происходит активное переосмысление и переоценка явлений, считавшихся ранее маргинальными. Творчество представителей различных культурных и социальных групп - коренных индейцев, испано-, афро- и азиато-американцев, чиканос, женщин, сексуальных меньшинств - долгое время остававшееся «невидимым» в американской культурной жизни, сегодня активно изучается во многих университетах США (Women's, gender, Black, Latino, Chicano/a Studies), их произведения издаются крупными издательствами и включаются в антологии, появился и значительный корпус критических текстов.

Мексикано-американская литература (или литература чикано) - признанный компонент современной культуры США, характеризующийся, по мнению М.В. Тлостановой, «крайней многосоставностью, интенсивным культурным взаимодействием фронтального характера, гибридность индейских, испанских, мексиканских, англо-саксонских элементов внутри своего поля» [Тлостанова 2000: 166].

Примечательно, что в числе наиболее ярких представителей этой литературной традиции много авторов-женщин, которые особенно активно заявили о себе в 80-е г.г. XX века, а в 90-е их перу принадлежало уже две трети всей чикано/а литературы. Основные темы произведений писательниц-чиканас неизменно оказываются связанными с вопросами расового, классового и гендерного неравенства и подавления, испытываемого мексикано-американками в США. Вместе с тем, литературное творчество явилось для них важнейшим средством самовыражения, способствуя, тем самым, реализации процесса самоопределения. Частью этого поиска собственного «я» становится обращение мексикано-американских писательниц к своему культурно-историческому наследию, включающее критическое исследование патриархальных мифов и связанных с ними гендерных моделей и стереотипов, существующих в их культуре.

Как известно, культура мексиканцев отмечена мощной устной традицией, где мифы и архетипы всегда играли важную роль. (Само слово «миф» является производным от греческого «mythéōmai» - *говорить, рассказывать*). Мифы и архетипы создавались людьми в разных целях - для объяснения происхождения культуры, ее традиций и верований, морально-нравственных ценностей, для объяснения иерархических структур, существующих в любом обществе. Они выражают также желания, надежды и страхи людей.

Как отмечает мексикано-американский критик Т.-Д. Реболledo в культурологическом анализе литературы чиканас: «Мифология часто функционирует как коллективный символический код <...>. Культуры используют мифы и истории героев и героинь, чтобы создать ролевые модели. Эти истории позволяют нам отличить правильное поведение от неправильного, передать моральные ценности, и установить черты, считающиеся желательными в данном обществе» [Rebolledo 1995: 49].

Понимание и анализ современной литературы мексикано-американских писательниц будут неполными без обращения к устному наследию их мексиканских предков.

В культуре мексиканцев на протяжении веков сохраняется предание о Ла Йороне. Ла Йорона (La Llorona) - «кричащая» или «плачущая женщина» встречается поздно ночью, обычно вблизи водоемов, появляясь (по разным версиям легенды) то в образе индейской женщины, то старой безобразной ведьмы, то красивой девушки с длинными белыми волосами, либо облаченной в длинное белое одеяние. К настоящему времени известны десятки вариантов этой легенды, которые, все же, расходясь в некоторых деталях, сводятся к двум основным версиям. Согласно одной, Ла Йорона была бедной девушкой, полюбившей богатого знатного мужчину и родившей от него трех детей. Когда же возлюбленный покинул ее ради другой, доведенная до отчаяния женщина убила детей, бросила их тела в воду, а затем утопилась и сама. Однако Господь